

что делать, он подошёл благословиться к священнику, завершившему панихиду.

Тут и подошла к ним женщина с булочками.

— А это вам, батюшка... — сказала она и вытащила из пакета булочку, потом посмотрела на Сергея, заглянула в свой пакет и вытащила ещё одну.

— А это вам... — проговорила она дрогнувшим голосом.

3.

Уже давно ушёл в алтарь священник, уже разошлись прихожане, поминавшие близких, а они стояли напротив друг друга в опустевшей церкви, и Сергей не знал, как ему сказать то, что он хотел сказать.

— Меня Сергеем зовут... — начал он. — А вы... замужем?

— Я? — переспросила женщина. — А зачем вам, Сергей?... — и замолчала, оборвав фразу. — Нет... — продолжила она. — Я не замужем, Сергей...

— А как зовут вас?

— Лиза!

— Лиза... — повторил Сергей. — Наверное, я не так всё делаю, Лиза... Но я предложить хотел...

— Что, предложить? — строго спросила она.

— Замуж за меня выйти...

Странно и как-то нелепо — Сергей даже испугался немного — прозвучали эти слова в опустевшей церкви, возле канона, на котором догорала последняя свеча, но Лиза не испугалась. Чуть наклонив голову, она внимательно смотрела на него, и полные губы её готовые раздвинуться в улыбку, чуть приоткрылись. Но она не улыбнулась.

— Вы... Вы это серьёзно?

— Абсолютно серьёзно... Я понимаю, что всё это выглядит очень странно, но я всё равно прошу вас выйти за меня замуж.

— Но вы даже не знаете меня...

— Знаю, — сказал Сергей, и так сказал, что она, внимательно смотревшая на него, опустила свои большие серые глаза и чуть улыбнулась.

— Я согласна... — тихо произнесла она. — Только скажи, Серёжа, когда ты успеешь узнать меня?

— Я сон видел, что будущую жену встречу, — ответил Сергей. — Поэтому и приехал сюда из Москвы. А узнал я тебя, потому что, когда мы с моей покойной женой познакомились, она мне булку дала вместо просфоры. Я потом тебе об этом расскажу. А ты... Ты почему согласилась?

— Так я ведь тебе булочку дала, которой у меня не было, — сказала Лиза. — Я шесть булочек купила и пять штук раздала, а шестую священнику отдала. А тут ты... Стоишь и на меня смотришь, ждёшь, чтобы я тебе тоже дала. Я руку в пустой пакет сунула, а там ещё одна булочка... Может, я обчиталась?

— Нет! — сказал Сергей и осторожно обнял Лизу. — Я уверен, что ты не обчиталась.

— Ты действительно так думаешь?

— Действительно, — сказал Сергей и поцеловал Лизу.

В просторном храме почему-то никого не было, кроме них. Только в стороне прошла пожилая женщина в красной кофте и зелёной юбке, но она скрылась возле икон...

Первое крестное знамение

рассказ железнодорожника

Это в Сибири было, когда я первый раз себя крестным знаменем осенил...

Вёл я поезд тогда, и вот под утро приближались мы к переезду, где шоссе тасса нашу железную дорогу пересекала. И всё хорошо вроде. Зелёные огни горят, можно не сбавлять хода, но тут — прямо в глазах у меня потемнело! — на путях человек стоит в чёрном монашеском облачении и руками семафорит нам.

Как уж я затормозить успел, сам не понимаю. Как в тумане всё было... Опамятовал я, когда помощник меня тормозить стал.

— Петрович! — говорит. — Герой ты! Как углядел её в сумерках?

— Кого её? — спрашиваю.

— Ну, машину эту гружёную. Которая на переезде застряла...

Слез я с локомотива. Действительно, в серых рассветных сумерках на переезде грузовая машина стоит.

Ну да... Если бы влетели в неё, мало бы не показалось ни машине, ни нашему составу. Спасибо монаху, который просигнализировал и остановил поезд.

— А где он? — спрашиваю.

— Кто он?!

— Монах, который поезд остановил...

— Да ты что, Петрович?! — говорит помощник. — Не было никакого монаха.

— Как же не было, — говорю, — если я сам его видел...

Ну, пока машину стаскивали с переезда, освобождая путь, прошли мы по составу, чтобы посмотреть, не пострадал ли кто из пассажиров.

И вот ведь что удивительно. Хоть и тормозил я в экстренном порядке, а пассажиры почти никто и не проснулся даже. Ну, а которые проснулись, целы были. Никто не пострадал.

Уже к концу состава мы подходили, когда увидел я своего монаха. Сидит в плацкартном вагоне на боковом месте и перебирает чётки.

— Вот, — показываю я своему помощнику, — вот кто нас спас! Это он мне просемафорил об опасности.

— А как это удалось вам?! — удивился помощник. — Как вы перед поездом встать сумели?

Но монах и сам разговору нашему удивился.

— Да не вставал я нигде... — сказал он и перекрестился. — Сижу здесь, молитвы читаю, чтобы доехали благополучно. А что, произошло что-то?

— Произошло... — сказал я. — Получается, твоя молитва и выручила нас.

И перекрестился. Первый раз в жизни я перекрестился...

Старец Иоанн

Всенощная ещё не началась, но в храме уже тесно стало. Прихожане сгрудились вокруг старца Иоанна, сидевшего в кресле возле аналоя с праздничной иконой.

Слабым, дрожащим голосом он вёл свою беседу, то разговаривая с отдельными людьми, то обращаясь ко всем сразу. И тогда, хотя по-прежнему слабо звучал дрожащий голос, как-то слышнее становилось, и каждое слово можно было разобрать даже и в задних рядах. Впрочем, этот эффект можно было объяснить устройством акустики храма.

Когда старец Иоанн вёл частный разговор, он опускал свою седую голову в камиллаву, слушая говорившего, а когда обращался ко всем, голова его была поднята и слова разносились по всему помещению.

Вот и сейчас, когда свечница протянула ему мобильный телефон, не слышно было ничего, о чём разговаривал старец, а когда, вернув телефон, поднялся он из кресла, сразу голос обрёл силу.

— А сейчас помолимся вместе за раба Божьего Сергия... — сказал старец. — Он идёт к нам...

И хотя вроде бы, с какой это стати надобно молиться за человека, который позвонил отцу Иоанну, что идёт в церковь, но не прозвучало ни слова недоумения. Все прихожане начали молиться, осеняя себя крестным знаменем.

И действительно, немного и времени прошло, как открылась дверь и в храм вошёл мужчина лет сорока в кожаной куртке. Перекрестился и старец Иоанн и тоже начал молиться. А потом, притомившись, снова опустился в кресло, и беседа его с прихожанами продолжилась.

Как раз тут к мужчине в куртке протиснулась свечница.

— Пойдемте, Сергей, — сказала она, — вас батюшка зовёт.

Мужчина удивлённо посмотрел на неё, но спорить не стал, послушно двинулся за свечницей, протискиваясь через прихожан, ещё теснее сгрудившихся вокруг отца Иоанна.

Мне самому хотелось подойти сегодня к батюшке, взять благословение на важное

для меня дело, но похоже было, что не получится, скоро уже должна была начаться всенощная, а народу к старцу не становилось меньше.

И не то чтобы раздражение у меня вызвал этот Сергей, предвзвизавший своё появление в храме телефонным звонком, но досада была, это уж точно. Чтобы не накручивать себя, я вышел в притвор, где устроена была церковная лавка, начал разглядывать свежие номера журналов.

Успел прочитать несколько заметок, когда в церковной лавке появился мужчина в кожаной куртке. Лицо его было ещё растерянее, чем тогда, когда он вошёл в храм.

— Мне записки написать надо, — сказал он мне. — Вы не подскажете, как это сделать?

— А вот листочки, — ответил я. — Кого за здоровье нужно — те имена в записку «за здоровье». Кого за упокой — те имена в этот, Сергей, листочек...

Мужчина взял листочки, которые я протянул ему, но продолжал смотреть на меня.

— Простите... — сказал он. — А откуда здесь все моё имя знают?

— Ну как откуда? — я пожал плечами. — Когда вы батюшке позвонили, он объявил, что сейчас Сергей придёт и ещё помолится за вас.

— Но я же не звонил никому... — покачал головой Сергей. — Не мог я звонить, потому что не только телефона, но и батюшку не знал. Я вообще ещё час назад не знал, куда пойду — такое состояние было... А потом я сюда свернул и эту церковь увидел.

— Ну, это неважно, звонили вы или нет, — сказала я, чувствуя, как рассеивается досада. — Главное, что отец Иоанн знал, что вы придёте. И имя ваше назвал. Вы пишите, пишите записки, как он велел.

Сергей молча кивнул и отодвинулся в сторону, а ко мне почти подбежала свечница.

— Ну что же вы здесь стоите? — сказала она. — Сейчас же всенощная начнётся. Не успеете благословиться у старца.

Слава Богу, благословение старца Иоанна я успел взять... На очень важное для меня дело просил я его...

Последнее причастие

Ещё утром отец шутил, а в обед лёг на диван и руки на груди сложил.

— Всё, дочка, — сказал он. — Кажется, не выкарабкаюсь мне теперь.

— Да ты что, папа?! — запротестовала Наталья. — Ты же сегодня только из больницы выписался. Тебе пожить надо теперь, всё-таки немного подлечили тебя.

Она говорила так, но — она работала на скорой помощи! — сама видела, как побелело лицо отца, как нехорошо заострился нос.

— Всё... — не слушая её, сказал отец. — Совсем нехорошо давит в груди...

И он закрыл глаза.

Не было сомнений, он уходил. И Наталья, хотя и работала врачом, не очень понимала, что делать. 94 года исполнилось отцу, и никакими таблетками невозможно было восстановить в нём жизненные силы. Но и сидеть и просто смотреть, как уходит отец, было невыносимо. Наталья взяла в руки молитвенник, стала искать нужную молитву, но тут зазвонил телефон.

— Это отец Евгений! — раздался в трубке голос знакомого священника. — Я большую причастить иду. Если хотите, могу зайти, Григория Васильевича причастить по пути.

— Заходите, отец Евгений... — слотнув слёзы, сказала Наташа. — Причастите, если успеете.

И, положив трубку, снова посмотрела на отца.

Нет! Не успевал священник.

Наталья потрогала пульс, но пульса не было, конечно. Уже и не дышал отец, и какая-то смертная муть растекалась вокруг...

Отец Евгений пришёл минут через десять.

— Григорий Васильевич где? — ещё в дверях спросил он. — В гостиной?

— Нет... — сказала Наташа. — Он у себя в

комнате... Только папа уже умер, отец Евгений...

— Умер? — священник отодвинул Наталью и прошёл в комнату, где не раз бывал, навещая знакомого во время болезни.

— Григорий! — громко сказал он. — Отец Евгений пришёл! Причащаться будете?

И тут Наталья глазам своим не поверила. Умерший отец чуть приподнялся на диване.

— Да! — сказал он.

И причастил его отец Евгений. И Наталья заставил запивку принести.

И когда сделал отец два глотка тёплой подслащённой вином воды, снова откинулся он на подушку, вздохнул три раза и закрыл глаза — теперь уже навсегда.

Потрясённая Наталья слушала, как читает отец Евгений отходную молитву, смотрела на дароносицу, на стоявший на столике ковчегец, на отца, лицо которого стало ещё бледнее, и думала, что всё осталось прежним, как и полчаса назад, когда отец первый раз умер... Ничего не изменилось. Только смертная муть ушла, и никакой смерти рядом с умершим отцом не было. И нигде её не было...

Блаженная Ольга

Вспомнил блаженную Ольгу, с которой мы познакомились, когда снимали фильм «Голос Андрея Первозванного».

Она была тогда с нашей киностудией на Авраамьевом скиту, но странно: столько было фотоаппаратов и кинокамер, а она никуда не попала.

Впрочем, чудо, как она вообще попала на скит, ведь никто не афишировал, что здесь будут устанавливать поклонный крест! Более того, произошло это неожиданно, почти случайно, а Ольга откуда-то узнала и добралась до острова ещё раньше, чем туда прибыла киностудия.

Ольга жила на чердаке в гостинице. На чердак этот я лазал с оператором посмотреть на панораму, открывающуюся из выбитого окна, и перемазался весь, хотя и старался там ни до чего не дотрагиваться. А Ольга жила на этом чердаке месяцами и ходила всегда чистенькая, в беленьких без единого пятнышка носочках.

На Авраамьевом скиту Ольга сразу принялась таскать к кресту тяжеленные камни.

— Ольга! — пытались мы остановить её. — Пожалей себя. Это же такие тяжести. — Так я себя и жалею! — ответила она. — Я же не камни таскаю. Грехи свои.

Судя по тому, какие мы выбирали камни, нам смело можно было записываться в праведники.

Но Ольга и не думала никого обличать, она просто радовалась, что и на Авраамьевом острове установлен поклонный крест, и эта радость общилась и нам.

А говорила Ольга всегда то, что думала, и это не очень-то нравилось в монастыре. Несколько раз её прогоняли со службы, а потом и из монастыря попросили уехать. И Ольга покинула Валаам.

Знакомые рассказывали, что видели, как она уезжала. Никого не ругала, никого не обличала, сидела на пристани тихая-тихая.

— Уезжаешь, значит? — спросил монах, которого специально отправили проследить, чтобы она не осталась здесь.

— Уезжаю...

— Не понравилось, значит, у нас?

— Понравилось... Просто я к Ксенюшке решила съездить, так чего же на острове сидеть. Надо ехать, раз Ксенюшка позвала. И уехала.

Рассказывали ещё, были свидетели и тому, что прямо с причала поехала Ольга на Смоленское кладбище. И там, только миновала кладбищенские ворота, и всё... Пропала куда-то. И сколько не искали её, так и не нашли. И никто больше не видел её...

А та гостиница на Валааме, на чердаке которой жила Ольга, сгорела той же зимой. Говорят, какие-то правила пожарной безопасности были нарушены. Но сейчас новую гостиницу на том месте построили. Я сам там не был, но говорят, что отличная гостиница, и чисто, и удобства все, как в городе...